

Когда Незу подошел к нему вечером после нападения на USJ, пахнувший сильно

кофеиновым чаем и маниакальной энергией, Инуи Рё знал, что ему не понравится то, что директор собирается попросить у него. Когда первый из двадцати учеников

вошел в его кабинет, вызвал на консультацию, в то время как остальные сотрудники разбирались в школе, он знал, что задача консультирования по

посттравматическим вопросам в классе 1-А будет не такой простой, как заверение их в том, что У.А. оставит их лучше подготовленными к таким инцидентам в

будущем.

Киришима, который первым встал в своем кабинете, с тревожной позой и так сильно пахнущим лаком для волос, что Рё пришлось прикрыть нос, спросил, может ли он

поговорить о Всемогущем. Рё прорычал про себя, пообещав отомстить Незу за то, что он сделал эту бомбу первой в своем списке, когда он начал часовой разговор

об упадке Символа Мира и его последствиях для будущего героев. Несмотря на тусклые оценки Киришимы, он, казалось, был достаточно осведомлен, чтобы признать,

что внезапный уход первого героя, скорее всего, будет означать рост активности злодеев, и вместо того, чтобы заикливаться на этом, молодой будущий герой

воспринял это как вызов.

К счастью для здравомыслия Рё, большая часть учеников, следовавших за колючей рыжеволосой, попала в одну из двух относительно простых категорий, первая

из которых была потрясена пережитым и нуждалась как в заверениях в том, что обучение подготовит их к будущим инцидентам, так и в том, что они не будут

неудачниками из-за признания того, что они не могут справиться с давлением быть героем и бросить учебу. Вторым, тем, кто осмелел от избиения злодеев, нужно

было напомнить, что они могли легко умереть, и призвать работать усерднее, чтобы избежать этой участи в будущем.

По мере того, как Рё слушал рассказ за рассказом об инциденте с USJ, он заметил поразительную закономерность. Один ученик получил полезный подарок от Мидории прямо перед атакой, другой получил от него подсказку о своей причуде, которая пригодилась в борьбе со злодеями. Рё мог бы отмахнуться от одного или

двух, но после того, как в шестой раз он услышал о том, что Мидория помогает однокласснику, он не мог не поверить теории Незу о том, что он каким-то образом

связан с Лигой Злодеев.

Точно так же, как Рё был убаюкан ложным чувством безопасности всеми относительно легкими сеансами, он получил еще один из тех, кого Айзава мог бы назвать

«проблемными детьми». Яоорозу был напряжен в течение первых пяти минут, колебался, отвечая минимумом. Рё задавала простые вопросы, обходя тему USJ, пока ее

защита не рухнула. Гидротехнические работы начались, и следующие тридцать минут были потрясенным отчетом о том, насколько неадекватной она чувствовала

себя перед лицом безупречной академической успеваемости и непоколебимой уверенности Мидории. Ее голос поднялся до душераздирающего крещендо, когда она

винила себя в том, что чуть не убила Мидорию и других ее одноклассников, сопротивляясь его приказам, допрашивая его и почти тратя свою Причуду, пытаясь

быстрее победить злодея Варп-Причуды, когда он знал, что им это понадобится для медикаментов.

Рё потратил двадцать минут на то, чтобы утешить ее и посоветовать поговорить об этом с Мидорией. Он надеялся, что у него будет возможность обсудить это с Мидорией до того, как она подойдет к нему.

Вслед за ней пришла Асуи Цую, которая была потрясена, увидев последствия Причуды Тодороки. У нее уже был здоровый вывод об инциденте, что смерти, хотя и

прискорбные, были необходимы для их защиты. Рё оставил ее с предложением не вести себя иначе с Тодороки и позволить консультанту заняться обсуждением инцидента.

Затем в его перчатке беспокойных учеников появился тот, чей запах был таким же взрывоопасным, как его причуда и его личность. Сначала Рё считал его человеком,

остро нуждающимся в дозе реальности, и, хотя эта оценка не изменилась, разговор резко перешел от USJ к другу детства «Деку». Рё не потребовалось много

времени, чтобы понять, что он имел в виду Мидорию - он не забудет в ближайшее время, посмотрев кадры, на которых ученик без причуд наносит ему удар одним

ударом. Бакуго болтал о своем детстве, средней школе, оценках, становясь все злее и злее из-за каждой невозможной вещи, которую делал Мидория, и о

бесстрастном отношении, с которым он обращался к миру.

Несмотря на все, что говорил Бакуго, Рё чувствовал, что это всего лишь верхушка айсберга, начиная с того, как подросток прерывал себя, когда собирался

отвлечься на другую тему, виновато взглянув на консультанта, и заканчивая разочарованным бормотанием себе под нос каждый раз, когда он произносил половину

ругательства. Рё наполовину отключил Бакуго, используя время, чтобы задаться вопросом, с чем именно он имеет дело, когда все это сошлось в его голове. Шрамы

от ожогов Мидории, то, что он исследовал при подготовке к отмененной встрече в понедельник, явно беспокойная история между этими двумя студентами,

оборонительная позиция Кацуки...

— Вы знаете о шрамах Мидории-сан? — спросил Рё, когда Бакуго сделал паузу, чтобы перевести дух.

Адреналин щекотал ноздри Рё, когда глаза Бакуго расширились на полсекунды. Ответ подростка прозвучал нехарактерно нерешительно. «Нет, не так, как будто я

смотрю на него или что-то в этом роде. Я не понимаю, о чем вы говорите.

Черты его лица и осанка практически кричали о чувстве вины и страха. Несмотря на свою дикую внешность, Рё не зря был консультантом. Его собачьи черты были

связаны со сверхчеловеческой способностью читать черты лица, что делало его гораздо более способным понимать человеческие эмоции, чем большинство людей.

Хотя его причуда не была сертифицированным детектором лжи, как Цукаучи с полицией, он часто мог сказать, когда кто-то был нечестен с ним. Не имея практики

эмоционального самоконтроля, Бакуго был для него открытой книгой.

— Понятно. Знали ли вы о каких-либо домогательствах, которые происходили, когда он учился в школе?

Бакуго нахмурился. «Почему мы говорим о Деку? Разве это не должно быть обо мне или о каком-то...»

«Ну, учитывая, что вы только что потратили последние сорок пять минут, говоря о нем, я считаю, что это очень важная тема для вас».

Бакуго покраснел, оглядевшись в поисках часов. Рё намеренно обустроил свой спартанский, простой кабинет так, чтобы со студенческого кресла не было видно

часов. У него были искусственные растения и несколько фотографий, достаточно, чтобы сделать комнату домашней, не отвлекая, и он содержал ее в

безукоризненной чистоте, чтобы единственные запахи исходили от студентов.

Бакуго попытался соответствовать пристальному взгляду консультанта, но после минуты напряженного молчания он прервал зрительный контакт. «Меня это вообще

не волновало. Он никогда ничего не делал».

Рё приподнял бровь. — Значит, его преследовали в школе?

Бакуго закусил губу и сказал: «Да».

«Вы что-нибудь с этим сделали? Может быть, рассказать учителю?

— Учителям было все равно, — сказал Бакуго с усмешкой. «Он был слишком слаб, чтобы иметь для них значение».

Зная Незу, Рё чувствовал, что эти нерадивые учителя скоро останутся без работы. Фраза Бакуго беспокоила его. Думал ли молодой герой, что сила - это все, что

имеет значение? Знал ли он вообще, что такое сила на самом деле, или у него было какое-то ошибочное представление о жестокости и насилии, выплунутых какимто героем или средствами массовой информации?

— Как ты думаешь, Мидория слаба?

Бакуго посмотрел на него так, словно у него выросла вторая голова. «Конечно, он есть. У него нет причуды».

«И тем не менее, он выиграл у вас и Тодороки в боевой подготовке в течение первой недели в школе, и, по отчетам Айзавы, он неплохо справляется с учебными

упражнениями. Герои — это больше, чем их причуды, хотя об этом легко забыть, когда все делают из этого большое дело. Бьюсь об заклад, ты вырос, когда все

говорили тебе, какой удивительной была твоя причуда.

Это была легкая ставка, чтобы выиграть. Школьные записи Бакуго на протяжении всего его детства были приправлены замечаниями учителей о том, насколько сильна

его причуда. Бакуго покраснел и сжал руки достаточно крепко, чтобы выплеснуть несколько капель пота.

«Наличие мощной причуды, безусловно, помогает, — продолжил Рё, — но важно не полагаться на нее полностью, иначе вы окажетесь беспомощными в ситуации,

когда ваша причуда ничего не сможет сделать».

По задумчивому хмурому выражению лица Бакуго он вспомнил зону ливня USJ. Без его перчаток и одноклассников он, скорее всего, умер бы в тот день.

— Значит, ты все еще думаешь, что Мидория слаба? — спросил Рё.

На этот раз Бакуго хорошенько подумал, прежде чем дать ответ. «Если бы он был сильным, он бы никому не позволил помыкать собой. Он бы дал отпор или что-то

сделал! Он ничего не делал, когда я его избивал. Он не дрался, он даже не пытался убежать, или кричать, или делать что-либо! Он просто стоял там и брал это».

Бакуго громко скрежетал зубами. «Как будто для него это даже не имело значения».

Как человек с мутантной причудой, Рё не вел заколдованное детство. Его называли дворнягой, его голову загоняли в туалет, а обед меняли собачьим кормом.

Услышав, как Бакуго обвиняет Мидорию в том, что ее преследуют, особенно когда он был тем, кто был на дающем конце, Рё разозлился настолько, что в его голос

закралось немного рычания.

«Если бы он сопротивлялся, как вы думаете, что бы произошло?»

Бакуго моргнул, затем нахмурил брови. «Они оставят его в покое. Ударь кулаком по нескольким лицам, и все знают, что с тобой не стоит связываться».

Рё сделал мысленную пометку, добавив «прибегнуть к насилию, чтобы завоевать уважение» к растущему списку тем, которые будут затронуты в психологическом

центре Бакуго. «Я пробовал это. Пара учеников за несколько лет до меня сломала одно из моих ребер и оставила меня привязанным к школьному флагштоку посреди

ливня. Я чуть не умер от переохлаждения».

«Подожди, ты был, но ты герой!»

«Тогда я не был просто тощим щенком, которому надоело, что с ним обращаются как с животным. После этого дня я перестала сопротивляться, перестала

жаловаться и перестала рассказывать учителям. Издевательства никогда не прекращались, но они устали от них через некоторое время, когда я перестал на это

реагировать».

«Что случилось с детьми, которые посадили тебя на поводок?» — тихо спросил Бакуго.

«Камеры спереди зафиксировали их лица. Их исключили и отправили на год в юви. С тех пор ничего не слышал.

Бакуго побледнел и сжался в кресле. Рё не нужен был нос, чтобы сказать ему, что ему нужно немного отыграться. Конечно, Бакуго почти наверняка оставил шрамы

на Мидории, но Рё чувствовал, что это было больше связано с чрезмерным потворством его школы, чем с какой-либо врожденной ошибкой личности Бакуго. При

надлежащем консультировании Бакуго может оказаться фантастическим героем.

И если он ошибался, Рё позаботится о том, чтобы Бакуго Кацуки никогда не закончил США.

«Возвращаясь к тому, о чем я спрашивал ранее, как вы думаете, что произошло бы, если бы Мидория сопротивлялась?»

— Я бы... — выпалил Бакуго, прежде чем спохватился. «Это прекратилось бы, я знаю это!»

— А у Мидории были какие-то основания так верить?

После долгого молчания Бакуго пробормотал: «Нет, это неправильно».

— Что не так?

«Он не боялся, что ситуация ухудшится. Ему было все равно. Что бы я ни делал с ним, он никак не реагировал. Не плакал, не кричал, не убегал и ничего не делал. Он просто... просто стоял там и брал. Ему было все равно».

«Значит ли это, что люди причиняют ему боль?»

Бакуго вздрогнул, когда Рё уставился на него, ожидая ответа. Его голос дрогнул, когда он ответил: «Если бы он хотел, чтобы это прекратилось, он должен был что-то

сделать, или что-то сказать, или что-то еще! Казалось, что для него больше ничего не имеет значения, ни его записи, ни его домашнее задание, ни даже его тело.

Ничто! Это было похоже на удар по боксерской груше, он просто стоял и брал ее. Он сдавал

деньги, давал себя заталкивать в шкафчики, не сопротивлялся, когда

его голову толкали в туалетах, ничего! Он никогда не пытался остановить это, ни разу!

— Значит ли это, что он причиняет ему боль? — спросил Рё.

Рё ждал, поднимая нервы, в то время как Бакуго балансировал на грани изгнания. Если бы непослушный подросток чувствовал, что его действия оправданы, что он не

видит проблем, причиняющих вред людям, которых он должен защищать, ему не было бы места быть героем.

В глазах Бакуго мелькнул проблеск неповиновения, когда он снова посмотрел на Рё, но когда они уставились друг на друга, бравада исчезла. Бакуго посмотрел вниз,

сжал колени так сильно, что руки дрожали, и сказал сквозь стиснутые зубы: «Нет. Это неправильно».

— Почему это неправильно?

Глубоко вздохнув, Бакуго ответил: «Потому что он не мог сопротивляться».

Определенно не тот ответ, который искал Рё, но он решил, что этого достаточно для одного дня. «Увидимся на следующей неделе. Мы все еще должны обсудить

ваши действия во время инцидента с USJ».

Бакуго выскочил из комнаты, оставив после себя облегченный запах, наполненный адреналином.

Если консультирование Бакуго было похоже на рафтинг, лихорадочно преодолевая поток эмоциональных всплесков, то консультирование Тодороки было похоже на

использование лозоходных удилищ, чтобы найти скрытый род воды в пустыне. Подросток со шрамами наблюдал за ним в угрюмом молчании, пока Рё ждал, пока

напряжение подтолкнет его к разговору. Прошло десять минут, а Тодороки не произнес ни слова.

Вынужденный часами говорить, Рё спросил: «Ты знаешь, почему ты здесь?»

«Потому что я убил пятнадцать человек».

В то время как бесстрастное выражение лица Тодороки обмануло бы большинство людей, Рё мог видеть, как эмоции кипят под поверхностью. Едва уловимые

подергивания его глаз и челюсти намекали на стыд и отвращение. Тот факт, что он называл злодеев «людьми», по крайней мере, означал, что он мог пропустить

уроки морали о том, как ценить жизнь и не сжигать каждого злодея, с которым он сталкивался.

«Вы действовали, защищая свою жизнь и жизнь своего одноклассника. Хотя смерть достойна сожаления, факт в том, что это были вы или они. Это непростой выбор».

«Я решил использовать его огонь. Все остальное он сделал».

Для такого короткого предложения, которое содержало удивительное количество информации для распаковки. Во-первых, «его огонь», чей огонь? Почему не был

свой? Что касается того, чтобы он делал все остальное, разве он не мог это контролировать?

Должно быть, он произнес это вслух, так как Тодороки ответил: «Огонь горит. Вот что он делает. Все, что он делает, причиняет боль и убивает людей».

— Это относится и к твоему отцу?

Лицо Тодороки едва дернулось, но то небольшое, что там было, в сочетании с внезапным всплеском адреналина, подсказало Рё, что он попал в больное место.

Тодороки машинально сказал: «Индевор останавливает злодеев. Если они не хотят, чтобы их обожгли, они не должны совершать преступления».

Это использование имени его героя было красноречивым. Цифры о том, что герой с самым высоким уровнем смертности от злодеев также имеет бытовые проблемы.

Исходя из этого, Рё собрал воедино приблизительную картину того, почему Тодороки не хотел использовать свой огонь и ему не нравилось то, что он видел.

Как бы ни было заманчиво углубиться в семейную жизнь Тодороки, Незу предостерегал от привлечения Индевора к его консультированию. Оглядываясь назад, Незу

должен был знать или, по крайней мере, подозревать, что Индевор не был образцовым родителем. Вместо этого Рё спросил: «Как ты думаешь, почему огонь хорош

только для того, чтобы причинять вред людям?»

Это определенно был щекотливый вопрос, судя по тому, как Тодороки тупо смотрел на него в течение минуты, его глаза незаметно сузились. «Вы когда-нибудь

засовывали руку в огонь? Все, что он сделает, это сгорит».

«Это правда, но большинство людей не ходят, суя руки в огонь. Он может сжечь препятствия или осветить темную комнату». С многозначительным видом Рё добавил:

«Это также может согреть человека, страдающего от переохлаждения».

— Ты хочешь сказать, что я должен им воспользоваться? — мрачно спросил Тодороки.

«Вы должны. Это твоя причуда, не так ли?»

Определенно неправильно говорить, судя по оборонительному сдвигу в позе Тодороки. — Ты собираешься сделать меня?

— Конечно, нет. Если вам не нравится ваша причуда, я не заставляю вас ее использовать. Я призываю вас обсудить свой дискомфорт со мной или специалистом по

причудам, поскольку психологические проблемы, связанные с вашей причудой, могут оказать серьезное влияние на ваше психическое здоровье, но в остальном

выбор того, что делать с вашей причудой, в конечном итоге остается за вами. Не мои, не школы», — и, глубоко вздохнув, тщательно обдумав, Рё добавил: — И не твоего отца.

Рё надеялся на знаки облегчения и благодарности, но упоминание отца Тодороки только вызвало еще один всплеск страха.

— Возвращаясь к тому, почему ты здесь, — сказал Рё, — я хотел бы сначала спросить, не жалеешь ли ты о том, что убил этих злодеев?

Напряжение покинуло лицо и плечи Тодороки, когда он расслабился. — Нет. Они пытались убить меня, а я действовал из соображений самообороны».

Не лучший ответ, но и не тот, который кричит об опасности. «Должны ли быть убиты все злодеи, которые пытаются убить людей?»

Тодороки сделал паузу, чувствуя, что ошибся со своим первым ответом. «Этого следует избегать, но, в конечном счете, приоритет героя — остановить злодеев от

совершения преступлений. Если их нельзя взять живыми, их убийство приемлемо».

Таково было общее отношение героев старой гвардии, тех, кто жил до стремительного взлета Всемогущего к славе и последовавшего за этим мира, который США

пыталась отсеять из общества героев. Учитывая, насколько основательно Индевор жил этой философией, неудивительно, что его сын также верил в нее.

«Герои делают больше, чем просто останавливают злодеев», — сказал Рё. «Они служат образцом для подражания. Именно по их примеру живут многие другие. Они

вдохновляют следующее поколение героев. Они влияют на общественное мнение. Для героев важно учитывать не только непосредственные результаты своих

действий, такие как смерть и материальный ущерб, которые они причиняют, жизни, которые они спасают, и так далее, но и долгосрочное воздействие, что люди

думают о героях и злодеях, как мы должны относиться к злодеям и как будущие злодеи будут реагировать, когда увидят вас на месте преступления.

Через мгновение Тодороки сказал: «Если герой убивает злодеев, другие злодеи будут знать, что то же самое произойдет и с ними».

— Разве это останавливает злодеев от совершения преступлений?

— Думаю, нет. Рассеянно глядя на стол Рё, Тодороки еще немного подумал и сказал: «Это делает их еще более отчаянными. Если проигрыш означает, что они умрут,

они сделают все, что угодно».

«А если герой известен тем, что он милосерден и помогает злодеям, которые в этом нуждаются...» — сказал Рё, побуждая Тодороки заполнить пробелы.

«Тогда злодеи могут сдаться без боя. Похоже на принятие желаемого за действительное».

«Это то, что нужно учитывать. Как я уже сказал, герои должны учитывать, как их решения влияют на общественность».

У него закончилось время, и Рё сказал: «На сегодня все».

«Я должен сделать это снова, верно?»

«В то же время на следующей неделе».

Тодороки встал, поклонился и сказал: «Хорошего дня, Гончая Собака-сан».

Вслед за Тодороки появился последний ученик Рё, тот, кого он одновременно жаждал и боялся иметь перед собой. Давняя жертва издевательств со стороны одного

из его нынешних одноклассников, со шрамами, покрывающими спину, грудь и руки, спокойным, но острым умом и очевидным желанием смерти, учитывая, как он

бросился на Сигараки. Рё понятия не имел, чего ожидать от встречи с консультацией, только то, что у него будет работа.

Ему никогда не нравилось, когда родители присутствовали на его собраниях. Во-первых, их запах мешал запаху ученика, и, хотя иногда было приятно видеть, как

реагируют родители, он предпочитал работать с одним запахом за раз. Хуже того, господин Мидория носил духи, слабую марку дженерика, но от которой у него

чесался нос. Во-вторых, присутствие родителей затрудняло раскрытие ученика, и, учитывая историю Мидории Изуку, Рё не нуждался в этом больше, чем это уже

было.

Как только они обменялись любезностями и старшая Мидория горячо поблагодарила его за встречу с ними, Рё воспользовался моментом, чтобы понаблюдать за ним

обоими. Инко был сгустком нервов, который он мог четко разглядеть под духами, в то время как младшая Мидория была намного спокойнее. Черты его лица были не

тонкой маской, которую Тодороки носил, чтобы скрыть свое внутреннее смятение, а железной стеной, бесстрастной, непреклонной и неизменной. Чем дольше Рё

смотрел на постоянное, мягкое выражение лица Изуку, тем больше он чувствовал себя неловко.

«Я хотел бы начать с того, что я знаю, что вы страдали от издевательств и физических домогательств в детстве», — сказал Рё Изуку. «Однако я не знаю масштабов

проблемы. Я не знаю, кто несет ответственность, хотя я знаю, что Незу изучает это. Зная его, не потребуется много времени, чтобы получить ответы. Тем не менее,

мой приоритет сегодня не в том, чтобы выяснить, кто что сделал. Я здесь, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке.

Изуку откинул волосы назад, обнажив белый сморщенный отпечаток ладони на лбу. «Врачи говорят, что это будет шрам, но все в порядке».

«Это приятно слышать, но я имел в виду ваше эмоциональное благополучие. Я знаю, что это нелегко, говорить о том, что произошло. Я был там. Я знаю, каково это,

когда тебя избивают, толкают в шкафчики, забирают твои вещи. Ты можешь поговорить со мной об этом в любое время, когда тебе нужно».

«Я ценю заботу, но со мной все в порядке».

Ни подергивания лица, ни колебаний в голосе, даже запах остался прежним. Это не была тонко завуалированная маскировка эмоций проблемного подростка. Для

такого тщательного контроля над своим эмоциональным состоянием, чтобы не реагировать ни на малейшее упоминание о своей прошлой травме, вплоть до его

непроизвольных физиологических функций, с ним должно было быть что-то очень, очень не так.

«Если это когда-нибудь изменится, дайте мне знать. Так почему бы нам не обсудить инцидент с USJ?

Даже сквозь духи Рё чувствовал, как Инко ошетинился от того, как быстро Рё бросил тему издевательств. Если ее сын не хотел обсуждать это, он мало что мог с

этим поделаться. Вместо этого он попытался расследовать действия Изуку до инцидента. Он позаботился о том, чтобы не привлекать внимания к более подозрительным

инцидентам, а не тогда, когда это могло бы подсказать ему, что Незу был на нем. Не имея возможности копать слишком глубоко, все, что он получил, это

нейтральные ответы, без каких-либо признаков того, что его бесчувственный фасад треснул. Даже вопрос о том, почему он столкнулся с Сигараки в одиночку, не

получил никакой реакции, только мягкое «Я должен был защитить их».

Как только сеанс закончился, ему пришлось отвести Инко в сторону, чтобы заверить ее, что он не собирается игнорировать издеательства, и им обоим придется

подождать, пока Изуку охотно обсудит это. Он подумывал о том, чтобы попросить ее не посещать будущие сессии, но, к счастью, казалось, что она больше не может

откладывать свою работу и не сможет сделать это в следующий раз.

В одиночестве в своем кабинете Рё собрал все, что смог найти о Мидории Изуку, школьные записи, выдержки из своих консультаций. Собрав кусочки вместе, Рё

почувствовал, что чего-то не хватает. Изменения, которые он внес, были слишком точными, слишком конкретными, чтобы просто списать их на то, что он заранее

знал, что будет делать Лига, и у него было жуткое отсутствие реакции на все, что говорил Рё. Чего-то не хватало, и у него было внутреннее чувство, что у Незу уже

есть ответ.

Когда он отправил свои подозрения по электронной почте Незу, он вернулся, чтобы удалить

электронное письмо из системы и пригласить на встречу для обсуждения

будущего преемника Всемогущего в своем почтовом ящике. При проверке списка приглашенных только что были Eraserhead, Recovery Girl, All Might и, как ни странно, Nighteye.

Рыча себе под нос и проклиная выходки Незу, Рё принял приглашение.

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3242828>